

М. А. Малышев

ДИСКУРС ПРИЗНАНИЯ — ВЫРАЖЕНИЕ СМЫСЛА ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К ЧЕЛОВЕКУ*

M. A. Malyshev

DISCOURSE OF ACKNOWLEDGEMENT IS THE EXPRESSION OF THE SENSE OF RELATION OF A PERSON TO A PERSON

Рассматривается мало исследованная категория «признание», имеющая большое значение для исследования общественных отношений и структур власти. С точки зрения автора, наше существование лишилось бы важных стимулов или вообще утратило бы всякий смысл, если бы желание отличиться, выделиться, ощутить собственную ценность, заслужить уважение или просто быть полезным другим людям время от времени не появлялось бы в нашем сознании и не проходила бы через наши чувства.

Ключевые слова: дискурс, признание, смысл бытия, личность, жизнь, смерть.

The article deals with obscure category of acknowledgement playing an important role in public relations analysis and the structure of authority. From the point of view of the author our existence would be senseless and would lose its important challenges if the desire to differ, show off, feel self-importance, and earn respect or to be useful to other people didn't come into our minds and pass through our feelings from time to time.

Keywords: discourse, acknowledgement, the meaning of existence, personality, life, death.

Предисловие

Как известно, термин «признание» (по-немецки *Anerkennung*) был впервые отчеканен в качестве философской категории в *Феноменологии духа* Гегелем. С точки зрения немецкого философа, исток подлинно человеческого в человеке находится там, где биологический импульс, направленный на само-сохранение, подчиняется стремлению к признанию. Необходимость в признании — это выражение коренного антропологического свойства человека, конституируемого в его отношении к другому человеку, в котором он нуждается не только для обмена благами и услугами, но и для подтверждения собственной значимости. Гегель положил борьбу за признание в основу своего истолкования динамики исторического процесса.

Однако гегелевская интерпретация признания страдает, на мой взгляд, рядом существенных изъянов. Во-первых, Гегель свел требование признания к борьбе, а поскольку для человека притязание на собственную значимость есть высшая ценность, превосходящая саму жизнь, то этот антагонизм, утверждая и возвышая личность одного соперника, неизбежно ведет к подчинению, рабству или смерти

другого. Чтобы заставить другого человека признать значимость моей личности, я должен с необходимостью навязывать ему свою волю. Так что идея признания оказывается тесно связанной с идеей борьбы за власть, что, несомненно, существенно сужает спектр ее значений.

Во-вторых, борьба за признание в том случае, если победитель не умерщвляет побежденного, а сохраняет ему жизнь, неизбежно трансформируется в отношение господства и подчинения. В силу своего безусловного подчинения воле хозяина, раб исключается из специфически человеческих условий жизни, но и господин, который силой добился своего права на признание, получает его не от равного и подобного себе по достоинству человека, а от бесправного существа, человека, так сказать, третьего сорта. Будучи закабаленным, раб полностью лишается права на признание себя как личности, но и победитель не достигает вожаемой цели, направленной на удовлетворение своей претензии на значимость, в силу того, что признание исходит от побежденного, *вынужденного* признавать превосходство своего господина под угрозой смерти.

Кроме того, как резонно замечает французский литературовед Цветан Тодоров, у Гегеля в борьбе за утверждение собственной значимости фигурируют только два персонажа, что ставит под сомнение правомерность полученных им выводов. «Верно, что эссэсовец, кто убивает или обращается с заклю-

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (Мероприятие 1.5, III очередь — гуманитарные науки, лот 3, тема «Диалектика дискурсивного и догматического в поисках национально-культурных смыслов»; соглашение № 14.B37.21.0266).

ченным концентрационным лагеря как с рабом, не может получить удовольствие от признания своей жертвы; но разве он не может в то же самое время домогаться признания у своих товарищей по СС, которые восхищаются его «твердостью», или искать признания у своих шефов, которые с одобрением оценивают его верность и готовность выполнить им свой «долг». Для того чтобы возникло признание, нужно изначально вести речь о присутствии трех, а не двух актеров; двух сражающихся и одного свидетеля или созерцателя, под чьим взглядом развивается сражение»¹. С точки зрения Тодорова, к которой я присоединяюсь, описание признания как рождения человеческого в человеке в процессе смертельной борьбы не соответствует действительности по крайней мере в онтогенетическом плане, ибо «человек рождается не как итог борьбы, а как продукт любви. И результат этого рождения — не антагонизм человека с рабом, а более прозаическая пара, представленная родителем и ребенком»².

Опираясь на работы современных психоаналитиков, Тодоров убедительно доказывает, что зародыш признания возникает из взаимоотношения матери и ребенка, что подтверждает догадку, восходящую не к Гегелю, а к Жан-Жаку Руссо и Адаму Смиту, о том, что потребность во взгляде другого является условием возникновения человеческого в человеке. Хотя ни Руссо и ни Смит не употребляли термина «признание», а говорили о потребности человека быть принятым во внимание со стороны его сородичей с целью преодоления им своей изначальной несамоадекватности, именно это антропологическое свойство лежит в фундаменте признания и обладает более глубинным измерением, чем стремление к превосходству, славе и власти.

Как известно, уже Аристотель пришел к идее о том, что в отличие от богов и животных, как существ самодостаточных, человек по своей биологической конституции является несамоадекватным творением, а стало быть, его существование нуждается и утверждается в отношениях с себе подобными. Но для Аристотеля эти отношения связаны не столько со стремлением человека к признанию, сколько с необходимостью производства и обмена продуктов для удовлетворения потребностей. Только Руссо, как это убедительно показывает Тодоров, впервые открыл в отношении человека к человеку потребность *быть принятым во внимание*, «социальность» *sui generis*, которая отнюдь не сводится к утилитарной расчетливости или интересу, равно как и не исчерпывается жадной обрести честь, славу и престиж. Наоборот, само стремление к удовлетворению самолюбия, резюмирующееся в обладании славой или престижем, может быть понято на базе желания быть принятым в расчет, *быть значимым* в глазах других. Руссо разделяет идею Аристотеля о том, что общество людей рождается из слабости индивида, но его существенный вклад состоит в утверждении того, что будучи несамоадекватным, человек нуждается в другом, чтобы соединить с ним свое сердце, а следовательно, быть значимым в его мнении.

Потребность в признании является неотъемлемым атрибутом, конституирующим общественную жизнь человека: хотеть быть признанным — значит

хотеть быть кем-то и не просто кем-то, а в большинстве случаев кем-то более значимым, чем ранее. Мы в полной мере начинаем осознавать себя тогда, когда располагаем признанием того, кем мы являемся, что, в свою очередь, невозможно без оценки нас другими. Научиться уважать собственное достоинство — тоже значит немало. Если ты не сумеешь извлечь из своего достоинства никакой выгоды, то сможешь хотя бы с достоинством переносить обиды, связанные с *заговором молчания* по поводу твоих заслуг.

Признание — основа смысла жизни

Что случилось бы с нами, если однажды мы утратили бы представления о собственной ценности, лишились бы идеи о том, что мы что-то значим в этой жизни, и потеряли бы надежду на то, что наше имя, возможно, оставит какой-то след в памяти потомков после нашего ухода в небытие. Можно предположить, что наше существование лишилось бы важных стимулов или вообще утратило бы всякий смысл, если бы желание отличиться, выделиться, ощутить собственную ценность, заслужить уважение или просто быть полезным другим людям время от времени не появлялось бы в нашем сознании и не проходило бы через наши чувства. Следовательно, чтобы наполнить наше существование смыслом, мы должны стремиться заслужить признание других и, в свою очередь, сознавать свою полезность для них. Перед идеей вечности жизнь человека — *почти ничто*, которое скоро утратит *почти* и превратится в *ничто*. Но человек сопротивляется ничто, ибо понимает, что *почти* — это все, чем он располагает.

Желание быть кем-то, а значит — быть признанным, если и не исчерпывает собой всей жизни, то, несомненно, составляет ее неотъемлемую часть. Это желание может принять форму чувства хорошо выполненного долга, спасения за гробом, стремления обрести славу, сознания собственной неповторимости или утешения в том, что факт нашего бытия в этом мире не может быть ни стерт, ни отменен никакими последующими событиями.

Если бы не существовало признания, то исчезли бы стимулы, побуждающие нас к реализации наших способностей, стремления достичь успеха, снискать известности, заслужить славу или просто быть полезным своему ближнему. Возможно, что тогда исчезли бы алчность, ревность, зависть, злоба, высокомерие и тщеславие; но можно ли, изъев из жизни человека стремление быть признанным, одновременно сделать ее деятельной, творческой, интенсивной и возвышенной? Можно ли создать такую жизнеспособную социальную систему, члены которой были бы лишены стремления выделиться и отличиться? Или напротив, социальную систему, в которой каждый человек мог бы беспрепятственно возвышать ценность своего бытия, не навязывая при этом своей воли другому и не унижаясь перед его притязанием быть в свою очередь признанным? В горизонте ближайшего будущего весьма трудно дать положительный ответ на этот вопрос, однако мы можем утверждать, не слишком боясь ошибиться, что если бы мы подавили в себе желание быть кем-то во мнении других, если бы мы отреклись от стремления быть принятыми ими во внимание, то, может

быть, мы и продолжали бы жить, то, скорее всего, превратились бы в безродных одиночек, влачащих жалкое существование без всякой цели и смысла. Отсюда следует, что именно признание делает человека *общественным человеком*.

Признание есть то, что задает смысл цели, и осуществление последней оправдывает доверие, возлагаемое на человека, который стремится заслужить внимание других. Признание — это также реализация обещания сегодня подтвердить свои способности, навыки, умения и таланты, ибо вчера он их уже подтвердил. В этом смысле «при-знание» — это не приобретение нового знания или неизвестного сведения, а скорее — открытие нового измерения внутри уже существующего знания. Значение этого измерения состоит в «легитимации» однажды случившегося с целью воскрешения его в памяти и возвышения его смысла. Человек, которому мы выражаем свое признание, — это тот, кого мы не только как минимум во второй раз воскрешаем в своей памяти, но и тот, кого мы наделяем определенным значением для нас. Понимание и оценка значения его действий конституирует смысл его признания нами.

Чтобы находиться на высоте признания, его носитель должен быть предусмотрительным: постоянно обогащать свой опыт и укреплять благоприятное мнение других относительно достоинства своей личности. Когда нам приписывают высокие качества, то что-то должно говорить изнутри нашему сознанию: «за работу, не расслабляйся, не останавливайся на достигнутом, ибо в противном случае тебе грозит потеря доверия». Действительно, если по каким-либо причинам обещание не выполняется, то признание ставится под сомнение или отнимается у его носителя. Может быть, поэтому в переживании признания, которым нас наделяют другие, наряду с радостью торжества иногда присутствует и некоторая доля смущения, ибо, когда мы не очень уверены в собственных силах и боимся опуститься ниже того, чего от нас ожидают другие, то мы заранее предвосхищаем стыд, который и побуждает нас не отступать, а прилагать максимум усилий, чтобы удержаться на высоте однажды завоеванного. Отведавший вкуса славы постоянно ощущает в ней потребность, а когда он уже не может ею насладиться, то соглашается на минимум: удовлетворяется сознанием *собственной значимости*.

Когда мы опускаемся ниже этого уровня, то заранее предвидим разочарование, вызванное обманом, связанным с ожиданием от нас адекватных действий. В этом смысле признание — это взыскательный страж границ нашей идентичности, который вселяет в нас уверенность и не позволяет нам отступать от ранее завоеванных рубежей. Чтобы эффективнее осуществлять свое *призвание*, нам необходимо ощущать на своем плече твердую руку поддержки *общественного признания*. Типичный парадокс: время течет, энергия иссякает, здоровье расшатывается, но общественное признание растет. И самолюбие, ободренное славой, приказывает: держи марку, не отступай. И бедной знаменитости не остается ничего другого как молить судьбу не дать угаснуть своим творческим способностям и... умереть за письменным столом.

Исходя из Канта и вслед за Цветаном Тодоровым, мы можем выделить две основополагающие формы признания: *признание существования* и *признание утверждения*. Человек ощущает дефицит признания своего существования тогда, когда ему кажется, что он всеми забыт или отвергнут, когда он жалуется на то, что никто не хочет принимать его в расчет, как будто он и вообще не существует на этом свете. Безразличие других переживается человеком как проявление собственной никчемности. То, чего он хотел бы избежать, часто сводится к тому, чтобы его не игнорировали и не рассматривали как неодушевленную вещь, а приняли бы во внимание как личность, существование которой, несмотря ни на что, заслуживает какого-то признания. При этом он отнюдь не стремится быть обожаемым или любимым, а просто хочет быть принятым в расчет в силу самого факта своего существования. Не получать никакого внимания означает для него наказание более горькое, чем боль от сознания предстоящего небытия. Даже самые несчастные из несчастных не могут вынести этого дефицита признания, сетуя порой не столько на свой жалкий удел, уготованной им злосчастной судьбой, сколько на нестерпимую горечь всеобщего равнодушия. Анонимный персонаж *Записок из подполья* Достоевского, человек одинокий и желчный, не столько боится быть публично отвергнутым, выброшенным из окна или побитым, что, по его словам, хоть как-то могло бы подтвердить его претензию на значимость собственного существования, сколько боится быть никем не замеченным и не признанным. Он негодует на офицера, который даже не удосужился снизить до того, чтобы попросить его посторониться, когда он загораживал тому дорогу. «Он взял меня за плечи и молча, — не предупредив и не объяснившись, — переставил меня с того места, где я стоял, на другое, а сам прошел как будто и не заметив»³. Анонимный персонаж чувствует себя ранимым за отверженность, которой его подвергают, но, что гораздо для него хуже, так это — переживание унижения, навлекаемого на него теми, кого он сам презирает.

Признание значимости нашего существования является экзистенциальной предпосылкой нашего сосуществования, «кислородом общественного бытия». Можно предположить, что просительный взгляд ребенка, ищущего одобрения в ответном взгляде своей матери, — это отнюдь не преходящий феномен, присущий определенному возрасту, а эмбрион *потребности в признании*, к которому так или иначе, осознанно или неосознанно, стремится каждый из нас с целью обретения собственной значимости. Если мы внимательно понаблюдаем за окружающими нас людьми, то вскоре заметим просительный оттенок во взгляде того, кто закончил какое-нибудь дело, завершил какое-либо произведение или просто значительно продвинулся в своей работе: «И что? И как? Не правда ли, хорошо?» — как бы говорит нам его вопрошающий взгляд.

Быть лишенным признания или иметь надежду обрести его в процессе взаимодействия с другими людьми образует, на мой взгляд, фундамент аффективных переживаний. Признание — это стержень, легитимирующий всю сложную и многообразную

гамму наших чувств и эмоций. В самом деле, что такое любовь как не страстное утверждение единственной и неповторимой значимости возлюбленного для влюбленного. В свою очередь, каждый влюбленный хочет быть любимым; не только передать свои горячие чувства другому, но и получить от него ответное свидетельство чувств, а следовательно, *быть им признанным*.

Что такое стыд как не признание черты характера, телесного качества или поступка, отклоняющегося от нормы или контекста, который стыдящийся не одобряет и не считает достойным выставлять на обозрение других. Чрезмерный стыд не всегда влечет за собой желание стыдящегося исправить недостаток, а предполагает тайную склонность скрывать, избегать или переодевать комплекс неполноценности в комплекс превосходства.

Что такое зависть как не невольное признание заслуг другого и одновременно стремление их развенчать или принизить. Завистник воспринимает достижения другого в значимой для себя сфере как покушение на собственный «авторитет». Превосходство заслуг другого затмевает в его глазах претензию на собственную значимость и самоуважение, порождает желание дискредитировать образ своего «врага».

Что такое вина как не признание виновным собственной ошибки и квалификация им своего проступка как ущерба, бросающего тень на его достоинство или репутацию. Переживание вины — это прежде всего переживание угрызения, базирующегося на тщетном желании изменить обстоятельство, приведшее к нарушению нормы, «отменить» или «вернуть» то, что само по себе является необратимым. Виновный хотел бы «перепрыгнуть» через время и вернуться к состоянию невиновности, предшествующему тому моменту в прошлом, когда был совершен этот проступок. В намерении виновного вернуться во времени и выражается магический характер данного переживания.

Что означает тоска, вызванная утратой ушедшего в «другой мир» значимого для нас человека, как не признание его невозместимой ценности. Невозможно полностью компенсировать душевную боль, вызванную смертью близкого, идеей «бессмертия его души» или «бессмертия» его славных дел, но именно признание неповторимой значимости для нас и для наших потомков ушедшего от нас человека приносит нам определенное облегчение.

Человек не столько боится умереть, сколько боится умереть, будучи непризнанным

Признание общественной значимости личности в настоящем не всегда говорит нам о ее подлинной ценности. Что исторически представляет собой человек? Последствия его действий и масштаб его общественного вклада в значительной мере зависят от будущего, которое в известном смысле является цензором, оценивающим его поступки, квалифицирующим его усилия, одобряющим результаты его свершений, присуждающим ему премию или выносящим наказание в зависимости от шкалы ценности, которая превалирует в настоящем. Настоящее всегда трансформирует прошлое в свете ценностей будущего.

Многие исторические фигуры, признанные ныне классиками, располагали иными представлениями о масштабе значимости собственной личности, опираясь на критерии общественного признания своей эпохи. Не исключено, что гении и герои, возведенные на этот высокий пьедестал общественным признанием будущих поколений, в системе *ценностных координат своего настоящего* даже и не подозревали, что войдут в сознание потомков именно как гении и герои. Из истории мы знаем немало творцов мировой культуры, которые в свою эпоху жили и творили в безвестности, имели более чем скромное общественное признание и в лучшем случае мечтали сравниться в своей славе с некоторыми из своих более удачливых современников (как, например, Ф. М. Достоевский, мечтавший достичь известности, которой уже тогда обладал И. С. Тургенев), но которые с течением времени были возведены на вершины Олимпа мирового признания, вошли в блестящую когорту почитаемых всеми классиков. Однако гораздо чаще происходит нечто совсем противоположное: мы склонны некритически признавать и неумеренно восхвалять заслуги и достижения тех лиц, которые поднялись на политический, интеллектуальный или артистический небосклон нашей эпохи. Не все современные классики выдерживают испытание временем. Иногда старость понижает их в ранге, а смерть отнимает высокое звание.

Смерть, между прочим, — это трагическое откровение, в частности потому, что она проливает новый свет на значения действий умершего, которые ранее нам казались не вполне понятными, а самое главное, смерть дает возможность полнее представить масштаб значимости ушедшей от нас личности, адекватнее оценить ее место в сцеплении исторических событий. Отсюда следует, что общественное признание человека — это не только итог его действий и намерений в настоящем, но и результат всей предыдущей траектории, которая иногда находит свое завершение по ту сторону жизни.

Признание и идентичность

Признание — это воспоминание того, что нам так или иначе уже известно о другом; это *маркировка* или, если угодно, *этикетирование* качеств другого, процедура менее утомительная и более экономичная, чем само знание и, несомненно, весьма удобная и полезная для выработки наших ожиданий и готовности к их изменению в случае изменения свойств личности другого, кому мы мысленно приклеиваем «ярлык» идентичности.

Например, я вижу своего друга Петра и сначала, прежде чем завязать с ним разговор или вступить в какой-нибудь другой контакт, я распознаю его идентичность, то есть воспроизвожу в сознании знакомые черты (по отношению ко мне) этого человека, именуемого Петром, а не Иваном и не Владимиром. Еще до встречи с Петром я хранил в своей памяти его образ как род, если воспользоваться терминологией Сартра, *дорефлексивного когито*, который мгновенно соединился с моим теперешним восприятием Петра. Петр находится здесь, передо мною, но, как это ни парадоксально, его присутствие — это не незамутненное присутствие-в-себе, а присутствие,

опосредованное моим предшествующим знанием о нем, то есть *дорефлексивным когито*, находящимся в моей памяти. Это вторичное знание или *при-знание* образует фундамент всей той сети контактов, которой я располагаю относительно окружающих меня людей — друзей, соседей, коллег, родственников, и т. д. Каждая новая встреча с ними практически не требует от меня никаких усилий для установления их идентичности. Какими бы редкими не были мои контакты с моими коллегами, я располагаю определенным представлением о каждом из них, и это дает мне возможность выработать к ним мое личное отношение.

Предпосылкой постоянного и прочного признания человека является его *номинация*, приобретение им собственного имени, которое гарантирует его идентичность во всех возможных общественных сферах и во все периоды его жизни: от рождения и до смерти. Признать кого-либо — значит, в первую очередь, идентифицировать его имя. Собственное имя, например, Иван Васильевич Краснов, обеспечивает его носителю идентичность во времени и в социальном пространстве. Через манифестацию его различных социальных ролей — школьник, студент, преподаватель, профессор, ректор, депутат — осуществляется признание, которым общество наделяет Ивана Васильевича Краснова, что гарантирует ему как личности номинальное постоянство и идентичность. Во многих сферах социального пространства самые священные обязанности человека — это обязанности, связанные с поддержанием общественной репутации собственного имени. Когда кто-то присваивает себе чужое имя или пытается подделать подлинные факты своей биографии: приписывает себе несуществующие заслуги, навешивает на грудь награды, принадлежащие другому, присваивает не заслуженные им права, совершает плагиат, замалчивает совершенные им преступления — словом, узурпирует символический капитал чужого признания для возвеличения собственного имени, то мы вправе рассматривать этого человека как обманщика, заслуживающего морального порицания или общественного осуждения.

Отчужденные формы признания

Одно из разочарований, поджидающее современного человека, — это его вера в незаметную ценность собственного я и печальное открытие своей заурядности. Каждый считает себя неповторимой личностью и воспринимает других в качестве аморфной массы, но это его притязание оказывается несостоятельным в силу одинаковых претензий остальных на собственную исключительность: я, ты, мы, он, она — все мы в той или иной мере жертвы собственного самолюбия. Это жажда отличия и есть то, что нас сближает, но, как это ни парадоксально, в этой попытке отмежеваться любой ценой от других нас подстерегает тот же самый конформизм, которого нам хотелось бы избежать. Романтическая идеализация непохожести, исключительности и своеобразия личности — босняка, безумца, гуляки, бунтовщика, гения, художника, — возвышающая значение индивидуальности, дань которой отдали многие мыслители и художники XIX и XX столетия,

была результатом боязни погрязнуть в болоте мешанства и конформизма, превратиться, как говорил Достоевский, в заложника «всемства». Но лозунг «я не такой как все» сегодня — лемма многих, даже слишком многих. Эта претензия на собственную исключительность и оригинальность, нередко вырождающаяся в «нарцисизм незначительных различий» (З. Фрейд), культивируется с тем большим рвением, чем больше схожи наши жизненные условия. Отсюда проистекает скрытая, но, тем не менее, яростная борьба за то, чтобы любой ценой привлечь к себе внимание, борьба, которая не останавливается перед употреблением самых экстравагантных средств самовыражения. Все мы так или иначе стремимся реализовать заложенное в нас призвание, следуя в этом отношении заветам Хайдеггера — «Пойми самого себя!», «Сбудься!», «Свершись!», «Осуществи свои собственные возможности!», — и как черт лада из-бегаем влияния безликой массы (*das Man*). В любом случае предпочтение отдается склонностям и стремлениям не с точки зрения их универсализуемости, а с точки зрения искренности и аутентичности, так как каждый из нас переживает их в своем внутреннем мире. Быть самим собой, быть искренним по отношению к другим людям, и не важно, совпадает ли это «аутентичное» отношение с элементарными нравственными нормами — вот ключевой лозунг постмодернизма. Да, я эгоист, да, я гедонист, я этого не отрицаю, но для меня это не суть так важно. Самое важное — это то, *что* «я», это мое любимое, хотя, может быть, и не совсем счастливое «я» при этом чувствует и переживает. Я — носитель собственной единичности — противопоставляю всем нормам и запретам искренность моего чувства — залог моего радикального отличия от других. Да, я не отрицаю, что, возможно, я и не стою больше других, но я и только я определяю выбор моих решений. Согласно такой логики, единственное, что должно приниматься в расчет — это аутентичность, следовательно, каждый человек от своего имени дает санкцию на бунт против общества и его законов, если они препятствуют ему сохранять верность самому себе. И никто не должен сметь осуждать меня, ибо прежде чем меня судить, нужно быть сначала таким же, как я, так сказать, влезть в мою шкуру.

Суррогатом потребности в признании служит идолатрия, сущность которой состоит в созерцании успехов своего «кумира» — рок-певца, киноактера, великого спортсмена, и т. д. Удовлетворение, получаемое от обожания идола, достигается посредством переноса восхищения героем, с которым отождествляет себя фанат-болельщик или поклонница теледивы, на самих себя. Я получаю утешение от того, что детально регистрирую все достижения, которые завоевывает мой идол, разделяю все его утхи и радости, переживаю ликование по поводу его «грандиозных» свершений и меня чарует та роскошь сладкой жизни в которой, судя по моим наблюдениям, он купается. Эта операция в чем-то сходна с фокусом иллюзиониста, поднимающего себя за волосы: я выбираю себе идола, расцвечиваю его достижения или его красоту в моем восхищенном воображении и упиваюсь отражением этих достижений или красотой, которые я проецирую на

самого себя; мое признание успехов другого как бы рикошетом возвращается ко мне.

Хотя каждый человек хочет быть принятым во внимание, быть признанным, тем не менее, личные неудачи или несчастья могут выбить его из колеи общественного признания, привести к отвержению всякой коммуникации с другими, к экзистенциальной пустоте, утрате смысла жизни. Более умеренными формами отказа от признания являются гордость и чувство обиды, возникающее в нас тогда, когда мы чувствуем себя жертвой причиненной нам несправедливости.

Гордый человек ведет себя так, как будто он является существом автономным и самодостаточным; он никого не просит об одолжении, не слишком заботится о признании другими своих заслуг и отвергает всякую похвалу в свой адрес. С одной стороны, такая позиция может быть воспринята окружающими как необременительная: ведь он никому не причиняет видимых неудобств, не надоедает понапрасну зовом о помощи, не просит об услугах и вообще может внешне вести себя достаточно скромно. Но, с другой стороны, гордый человек возвышает свое отношение с другими до степени одинокого бога, который наслаждается ощущением полноты самодостаточного существования, скрыто или открыто презирая других за слабость или несамостоятельность. Он заведомо занижает достоинство другого, каким бы выдающимся оно не было и не ведает другого желания, как превзойти его. Он не любит показывать своих слабостей или оказываться в положении подчинения, не ищет уз солидарности с себе подобными, а стремится к их подчинению или к демонстрации своего к ним презрения. Зато какое страдание может сравниться с муками знаменитости, утратившей свой авторитет? Власть, слава и богатство превратили человека в «сверхчеловека». Но сверхчеловек, пониженный до звания «рядового», увы, ощущает себя «недочеловеком».

Человек, от меня в чем-то зависимый, может причинить мне лишнюю заботу или вызвать чувство неудовольствия, тем не менее, он мне что-то дает, а именно — ощущение моей собственной необходимости, а стало быть, и моей значимости, тогда как человек, обуянный гордыней, отказывает мне в этом праве. Как сказал Адам Смит, хотя гордого человека на первый взгляд уважают больше, но жить с ним — гораздо труднее; тщеславного, может быть, меньше уважают за его назойливое стремление нравиться людям, зато его нетрудно ублажить, а потому и жить с ним — легче.

Носитель «жертвенного сознания» получает немалое удовлетворение от испытываемой к себе жалости и одновременно пытается убедить других в снисхождении и в признании своего «права» на их сочувствие к себе, заставляя их, подчас невольно, ощущать себя причиной его несчастий. В основе дискурса носителя «жертвенного» сознания лежит признание того, что он является исключением из общих правил, исключением, к которому надо относиться с должным пониманием и к которому все остальные должны приспособиться, ибо всякое слово и действие, исходящее от него, не может быть чем-то вредным по той простой причине, что это

он является их источником, и такое «божественное» происхождение всего того, что исходит от него, освящает его слово и действие и как бы заранее отпускает все накопленные им грехи. Носителю «жертвенного» сознания свойственно чувствовать себя человеком невинным, даже если по «небрежности» или в силу случайности совершает какой-либо промах. Паскаль Брукнер показал, что такая позиция ведет к лжи и лицемерию. «В этом смысле, — пишет он, — жертвенность является жульнической версией привилегии и позволяет возрождать невинность как возрождают девственность; ее носитель полагает, что закон должен применяться ко всем, но только не к нему, требуя тем самым введения кастового общества, в котором факт перенесенного страдания выступает заменителем аристократического происхождения. Плохое отношение других ко мне — это преступление, мои же собственные недостатки — это пустяки, простительные грешки, на которые, право же, просто нетактично указывать»⁴.

Жертвенное сознание превращается в сервильизм тогда, когда его носитель отказывается от всякого притязания на собственную значимость, претендуя на достижения для себя какой-либо скрытой выгоды. Сервильное сознание представляет собой как бы ипотеку моральной самостоятельности в обмен на материальное благо или на непотревоженное и незаметное существование. Его умеренными формами являются ложная скромность и склонность к лести, а его крайнее выражение — это холуйство и добровольное рабство.

Экзистенциальная пустота

В отличие от других живых существ человек не может быть уверенным в том, что его простая принадлежность к человеческому роду «спасет» его от утраты чувства собственной значимости. Как заметил Хосе Ортега-Гассет, «если тигр не может перестать быть тигром, не может, так сказать, «растигриться», то человек живет в постоянном опасности расчеловечиться. Он представляет собой не только существо проблематичное и подверженное различного рода жизненным превратностям, как и всякое другое животное, но человек просто-напросто может перестать быть человеком.

Если бы смысл жизни совпадал с самой жизнью, то человек жил бы погруженный в круг своих повседневных дел и забот, не задумываясь о том, для чего он существует в этом мире. Но, как правило, смысл не совпадает с бытием, а опережает его, и это вносит определенное напряжение в течение бытия его носителя, делая человека ответственным не только за свою собственную жизнь, но и за то, что превосходит рамки его индивидуального существования — семью, общество, страну или человечество. Человек в состоянии поставить себе отдаленную цель и претерпеть различные трудности на тернистом пути по ее достижению только тогда, когда он убежден, что смысл этой цели заслуживает этих жертв. Когда смысл опережает и ориентирует наше бытие, то это вызывает определенное напряжение в нашем сознании и сталкивает нас с теми, кто утверждает, что смысл жизни должен совпадать с самой жизнью, что позволяет нам якобы сохранять наше душевное

спокойствие и чувствовать себя примиренными с самим собой. Не отрицая благих побуждений целей душевных волнений, стремящихся притупить остроту конфронтации жизни с собственным смыслом (переступающим ее границы и вносящим в нее известный разлад), мне хотелось бы в пику такой позиции привести известное изречение Гёте: «Когда мы принимаем человека таким, каков он есть, то тем самым мы оказываем ему плохую услугу; когда же мы принимаем человека таким, каким он должен быть, то помогаем ему стать таковым».

Эта предрасположенность к признанию, которая сообщает существованию смысл, лежит в самом фундаменте определения человека. Сама структура его экзистенции такова, что он не может жить, не посвящая свою жизнь чему-либо. Такова его судьба или, говоря словами Сартра, таков его фундаментальный проект, предшествующий какому-либо конкретному целеуказанию. И этот проект открывается тогда, когда нравственные ценности и социальные нормы делаются для человека проблематичными. Обычно мы живем и не слишком задумываемся о смысле собственного существования, так как внешний ритм повседневных забот накладывает на нас свои нормы, суждения и оценки. Однако время от времени нас охватывает тревога, тоска или печаль, и мы жалуемся, что наше существование утратило свой смысл, что наша жизнь кажется нам пресной, монотонной и пустой. Это ощущение пустоты испытывают не только люди, искушенные в метафизических проблемах; переживание абсурдности бытия может подстергать нас на любом перекрестке или возникнуть в связи с любым незначительным событием. Вот как описывает это чувство Альбер Камю в своем эссе *Миф о Сизифе*: «Бывает, что привычные декорации рушатся. Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме — вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос «зачем?». Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки. Скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание. Скука пробуждает его и провоцирует дальнейшее: либо бессознательное возвращение в привычную колею, либо окончательное пробуждение»⁵. Независимо от того, каков источник недоумения, последнее повергает нас в растерянность и заставляет размышлять о банальности привычной чреды дней и ночей, о никчемности каждодневных забот и об отсутствии глубокого смысла, который мог бы одухотворить наше существование. Растерянное

сознание, озадаченное экзистенциальной пустотой, одним прыжком достигает вечных метафизических вопросов, которые одновременно оказываются глубоко личностными проблемами и которые в той или иной форме возникают перед каждым из нас в форме вопроса: что заставляет нас идти по дороге нашей судьбы от колыбели и до могилы, прилежно выполняя привычные обязанности и в поте лица своего зарабатывая наш каждодневный хлеб.

Признать кого-то — значит легитимировать ценность его достижений, заслуг и талантов. Наша собственная значимость переживается нами как неотъемлемая часть нашей личности, как род практического императива. Иногда, в моменты кризиса собственной идентичности и утраты смысла жизни, мы стараемся убедить себя в том, что мы — никто, и тем не менее некто внутри нас отвергает эту казалось бы очевидную «истину». Это отрицание говорит о том, что мы не можем быть законченными нигилистами по отношению к самому себе; и то, что внутри нас препятствует обесценению нас как личности, говорит о том, что мы не можем быть сведены к абсолютному нулю. Это, однако, не означает, что простое существования дает полноту переживания смысла или гарантированный иммунитет против различных экзистенциальных фрустраций, которые подстерегают нас на нашем жизненном пути. Признание — это голос других внутри нас. Из непосредственного отношения нас с самим собой мы не извлекаем никаких преимуществ, а лишь демонстрируем свою хрупкость и уязвимость, которые требуют определенной защиты. Признание — это социальная инстанция в нас, предохраняющая нас от водоворота сомнений, колебаний, излишка разъедающей саморефлексии, парализующей наши действия. Признание, если так можно выразиться, — это наша внутренняя крепость, прочности которой мы можем до определенной степени доверять. Ответ на вопрос, что представляет собой вот этот человек, зависит от того, в чем он видит свое призвание, а также от того, где и как он хотел бы добиться осуществления своего признания.

Примечания

1. Todorov Tzvetan. La vida en común. — Madrid : Taurus, 1995. — p. 45.
2. Ibid. — p. 147.
3. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 12 т. — М., 1982. — Т. 2. — С. 437.
4. Bruckner, Pascal. Tentacion de inocencia. — Madrid : Taurus, 1995. — p. 131.
5. Камю Альберт. Бунтующий человек. — М., 1990. — С. 29, 30.

Поступила в редакцию 1 июля 2012 г.

МАЛЫШЕВ Михаил Алексеевич, кандидат философских наук, профессор-исследователь гуманитарного факультета, Автономный университет штата Мехико. E-mail: mijailmalyshev@yahoo.com.mx

MALYSHEV Mikhail Alekseevich, Doctor of Science (Philosophy), a research professor of the Faculty of the Humanities of Autonomous University of State of Mexico (Mexico). Research interests: philosophy, anthropology, discourse studies, theology, divinity, political science. E-mail: mijailmalyshev@yahoo.com.mx